

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XX ВЕКЕ: ОЦЕНКИ И ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

На основе анализа современной историографии рассматривается дискуссионный вопрос оценок потерь населения России, СССР в XX в. Историки и демографы изучают демографические последствия социально-исторических катаклизмов, анализируя показатели численности населения, демографических процессов и демографических структур. Дискуссии обусловлены проблемами с полнотой и достоверностью данных, имеющихся в распоряжении исследователей, длительностью выбранного для анализа временного интервала и методикой расчета. Сегодня продолжаются дискуссии по вопросу достоверности данных о населении статистических органов, силовых структур и органов военного управления в СССР, сохраняется полемика вокруг вопроса о факторах социально-демографических потрясений, их иерархии. Ряд исследователей предложили варианты корректировки статистических данных в связи с недоучетом демографических событий или фальсификацией сведений о населении. В подавляющей части исследований потерь населения страны в советский период за основу анализа берутся оценки и корректировки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой, все чаще принимается во внимание концепт авторов монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», подготовленной под руководством А.Г. Вишневого. В современной историографии при сохранении научного интереса к обобщающим макроподходам к изучению проблем истории населения активизируются попытки обращения к первичной учетной документации, к исследованиям микроуровня. Значительную роль играют исследования регионального аспекта проблемы потерь населения. Исследование показало, что текущий историографический тренд направлен на уточнение существующих данных о потерях населения страны и ее регионов в XX в.

Ключевые слова: историческая демография, демографическая история, потери населения, историография, демографический кризис, демографическая катастрофа, демографическая модернизация

Тема потерь населения России и СССР в XX в. имеет богатую отечественную и зарубежную историографию. Повышенный интерес к этой теме вызван тем, что в прошлом столетии эволюционный ход демографического развития как минимум три раза прерывался крупными демографическими потрясениями, обусловленными экзогенными факторами социально-политического и социально-экономического характера. Все три катаклизма произошли в первой половине прошлого столетия и оказали негативное влияние на процессы воспроизводства и миграционное движение населения в периоды пертурбаций, деформировали демографические

¹ © Баранов Е. Ю. Текст. 2018.

структуры и, соответственно, серьезно нарушили характер и темп демографической эволюции и столетний тренд демографической трансформации.

Большая часть демографических потерь пришлась на советский период истории страны, обусловив наличие трагических страниц в судьбе ее народов. Каждый из трех социально-демографических катаклизмов был обусловлен группой факторов и причин. Население понесло потери от военных действий (в том числе боевые, санитарные потери, потери гражданского населения в зоне боевых действий, в тылу), потери от голода, эпидемий, вследствие раскулачивания, депортаций, расстрелов как репрессивной меры. И исследования потерь населения в подобном детализованном виде как следствия определенного исторического события научно значимы и обладают уже собственными историографическими традициями, но необходима также и обоснованная и адекватная оценка демографического урона от социальных бедствий в целом. В историко-демографических исследованиях для этого используются методы демографического анализа, которые, в сущности, основываются на сопоставлении реальных и гипотетических показателей докризисной, кризисной и послекризисной численности населения и демографической динамики.

Еще в советский период истории страны в стране и за рубежом появились работы, содержащие анализ влияния социальных факторов (прежде всего войны) на демографическое развитие (Б.Ц. Урланис, А.Я. Боярский, Ю.А. Поляков, Ф. Лоример, С. Максудов, Р. Конквест, Б. Андерсон, Б. Сильвер). Вопрос потерь населения СССР, в сущности, впервые поставленный в зарубежной литературе приобрел в постсоветском пространстве достаточно острый дискуссионный характер, сохранившийся до сегодняшнего дня. Эта полемика вступила в активную фазу во многом после выхода книги С. Максудова «Потери населения СССР» (1989) и стала возможной в результате рассекречивания документов российских архивов в 1990-е гг.

Дискуссии по этому вопросу обусловлены проблемами полноты и достоверности статистических данных, имеющихся в распоряжении исследователей, длительностью выбранного для анализа временного интервала и методикой расчета. Изучение демографической истории страны в первой половине XX в., особенно периода 1930-х — 1950-х гг., ограничено возможностями источниковой базы, которая характеризуется отсутствием отчетных или учетных сведений о населении за отдельные годы. Сегодня продолжаются дискуссии о достоверности данных о населении статистических органов, силовых структур и органов военного управления в СССР. Ряд исследователей предложили свои корректировки данных о численности населения за отдельные годы, корректировки данных в связи с недоучетом демографических событий или фальсификацией сведений о населении [4, 5, 7–10, 12–14] и др.).

Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова на основе специальных моделей попытались реконструировать историческую динамику численности

населения России, СССР, показатели демографического воспроизводства и миграционного движения, рассчитать людские потери в результате социальных катастроф (войны, голода) [2, 3]. При этом ученые доказывали нереальность оценок Центрального управления народно-хозяйственного учета СССР, писали о недоучете населения, искажениях демографической информации в 1930-е гг. В связи с этим они проводили коррекцию, выравнивание демографических данных. Общие демографические потери СССР за период с 1927 г. по 1941 г. демографы определили в 13,5 млн чел., а людские потери, по их мнению, составили около 7 млн чел. Общие людские потери населения СССР в результате Великой Отечественной войны, полученные методом демографического баланса, составили приблизительно 26,6 млн чел. [3, с. 60–61, 77]. Оценки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, предложенные в 1990-е гг., и сегодня являются авторитетными в отечественной и зарубежной исторической демографии, к результатам их исследований апеллируют многие специалисты, считаясь или дискутируя с точкой зрения этих демографов. Так, С. Уиктрофт доказывает, что вопреки их мнению, при расчетах можно использовать «нескорректированные» статистические данные о рождаемости и смертности. Он считает, что данные по регистрируемому населению СССР выглядят «полными и правдоподобными» [5, с. 73].

В 1994 г. был издан энциклопедический словарь «Народонаселение» под редакцией Г.Г. Меликьяна, в котором были приведены оценки потерь населения страны в XX в., имевшиеся в зарубежной и отечественной литературе (табл. 1). В словаре дается следующее определение термина потери населения (людские потери): это «обобщающее понятие, используемое при оценке количественных и качественных негативных демографических изменений, природными и социальными катаклизмами (землетрясениями, эпидемиями, неурожаями и голодом, войнами, революциями, а также крупными катастрофами, авариями и т. п.)» [16, с. 342]. В этом же издании обозначены три глубоких социально-демографических кризиса в истории Российской империи и СССР, которые вызвали массовые потери населения. Первый кризис охватывает период Первой мировой войны, революции и гражданской войны, эпидемий и голода 1921–1922 гг. Второе потрясение (с 1929 г. до 1933–1934 гг.) было связано с негативными последствиями «социалистической реконструкции народного хозяйства» (коллективизации, голода начала 1930-х гг., репрессий). Существенные потери населения в результате третьего кризиса (конец 1930-х — начало 1950-х гг.) были обусловлены Великой Отечественной войной, голодом 1946 г., а также послевоенными массовыми репрессиями [16, с. 344–345].

Со времени публикации энциклопедического словаря прошло более двадцати лет. Посмотрим, как изменилась историографическая ситуация вокруг вопроса потерь населения страны с точки зрения появления новых исторических макрообобщений. Знаковым событием для отечественной историографии стала публикация монографии В.А. Исупова

Таблица 1

Ориентировочные оценки потерь населения Российской империи и СССР различными авторами (млн чел.)*

Автор	Дата публикации оценки (год)	Оцениваемый интервал (годы)	Общие демографические потери	Людские потери	Дефицит рождений
<i>Оценки потерь населения за 1914–1926 гг.</i>					
Ф. Лоример	1946	1914–1926	28	18	10
А. Я. Боярский	1948, 1975	1915–1923	21–22	12	10
Б. Ц. Урланис	1968	1917–1920		10–11	
Ю. А. Поляков	1986	1914–1922	25		
С. Максудов	1989	1914–1926		15,5	
<i>Оценки потерь населения за 1926–1939 гг.</i>					
Б. Андерсон и Б. Сильвер	1985	1926–1939		12,8	
С. Максудов	1989	1930–1938		9,8	
Е. М. Андреев и др.	1990, 1993	1927–1941	13,5	7	6,5
В. А. Исупов	1990	1926–1939	12–13	8–9	4
С. Уиткрофт	1990	1932–1934		4–5	
<i>Оценки потерь населения за 1939 г. — начало 1950-х гг.</i>					
Н. С. Тимашев	1948	1941–1945	37,5	26,4	10,9
У. Исон	1959	1939–1959	45	25	20
Л. Л. Рыбаковский	1988	1939–1959		30	
С. Максудов	1989	1939–1958		24,5	
Е. М. Андреев и др.	1990, 1993	1941–1945		26,6	

* Источник: Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликян. М., 1994. С. 344.

«Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века» (2000). Трактовка демографических потрясений, предложенная В. А. Исуповым, широко используется в современных историко-демографических исследованиях. Историк характеризует понятие «демографическая катастрофа» как «мощное, но кратковременное явление», детерминированное резким повышением смертности и характеризуемое «отчетливо выраженными депопуляционными процессами» и резким падением численности населения. Демографический кризис, по мнению В. А. Исупова, — это процесс, растянутый во времени, который во многом обуславливается падением рождаемости, при этом уровень смертности может «не повышаться или повышаться незначительно». Во время кризиса «чаще всего наблюдается замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения». В монографии прослежены

демографическая динамика в России, негативное влияние экзогенных (прежде всего социальных) факторов на демографические процессы, выявлены периоды стабильного и кризисного развития, локализованы во времени демографические катастрофы. Результатом демографического кризиса периода Первой мировой войны стало 5,8 млн чел. преждевременно умерших и неродившихся, из них приблизительно 1,5 млн чел. приходится на боевые потери и около 4 млн — на косвенные и демографические (в основном дефицит рождений). Демографические итоги периода революции и Гражданской войны — 21,8 млн жизней, включая прямые, косвенные и демографические потери. Демографическая катастрофа 1933 г. унесла жизни почти 7 млн чел. (сверхсмертность). В.А. Исупов пишет, что в 1937–1938 гг. страна «в результате карательной деятельности государства» потеряла около 1 млн чел. погибшими.

В.А. Исупов указывает на дискуссию в историко-демографической литературе о потерях населения СССР в Великой Отечественной войне, связанную с методическим аспектом проблемы. Он пишет, что в исследованиях применяются два основных метода расчетов людских потерь. Один из них основан на сопоставлении фактической численности населения после войны и гипотетической численности, которой достигло бы населения в условиях ее отсутствия. Применительно к Великой Отечественной войне расчеты ученых дали следующие числа совокупных потерь: Ю.Е. Власевич — 46 млн чел., из них 20 млн. — прямые потери и 26 млн — косвенные и демографические, Л.Е. Поляков — также 46 млн, А.Я. Кваша — 48 млн, В.И. Козлов — до 50 млн чел. Второй способ расчетов связан с методом демографического баланса, в основе которого лежит сопоставление численности и структуры населения в начале и конце войны. По расчетам Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской прямые и косвенные людские потери СССР вследствие Великой Отечественной войны, как уже было указано выше, составляют приблизительно 26,6 млн чел. В.С. Гельфанд определил суммарные потери населения СССР в 1941–1945 гг. в 42 млн чел., из них 20 млн чел. — прямые потери, 6,4 млн — косвенные и 15,6 млн — дефицит рождений. В.А. Исупов делает вывод, что «прямые и косвенные (без демографических) потери населения СССР в 1941–1945 гг., определенные в 26–27 млн чел., в основном адекватно отражают размеры демографической катастрофы Великой Отечественной войны». Сегодня эта оценка потерь населения мировым научным сообществом считается наиболее обоснованной. В.А. Исупов также преимущественно на основе анализа научной литературы определяет совокупные потери населения СССР в 1941–1945 гг. числом свыше 42 млн чел. и распределяет их следующим образом: прямые потери — свыше 21 мл., косвенные потери (сверхсмертность гражданского населения) — свыше 6 млн, демографические потери (дефицит рождений) — свыше 15 млн чел. [11, с. 9–10, 56, 68, 93, 118, 184–186, 195].

П.М. Полян (2001) пишет, что общие демографические потери в России в XX в. вследствие демографических катастроф «можно оценить только

Оценки потерь населения РФ в периоды демографических катастроф XX в., приведенные П. М. Поляном в 2001 г. (в современных границах РФ)*

Период демографической катастрофы (годы)	Основные факторы	Оценка потерь населения		Оценка потерь населения, включая косвенные потери при условном сохранении предкризисных темпов прироста населения (млн чел.)
		Абсолютные величины (млн чел.)	По отношению к предкризисной численности населения (%)	
1915–1922	Первая мировая и Гражданские войны	12	13	18,6
1930–1936	Коллективизация	5	5	6,5
1941–1948	Великая Отечественная война и послевоенная разруха	21	19	24,5

* Составлено по: Полян П. М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Монографический сб. М., 2001. С. 38–39.

условно и только экспертным или расчетным путем, с теми или иными допущениями» [18, с. 38–39] (табл. 2).

П.М. Полян указывает, что на период между 1914 и 1953 гг. пришлось все массовые принудительные миграции, только в ходе внутренних принудительных территориальных перемещений было депортировано приблизительно 6 млн чел., а в рамках международных — около 9 млн. Ученый говорит о том, что во второй половине XX в. население России не испытывало демографических потрясений, сравнимых с тремя катастрофами первой половины столетия [18, с. 52–53].

В «Новой российской энциклопедии» (2003) выделяются следующие демографические кризисы XX в. и их факторы: 1) 1916–1921 гг. (Первая мировая война, Гражданская война, военный коммунизм, эпидемии, голод 1920–1921 гг.); 2) 1928–1934 гг. (свертывание нэпа, массовое насилие в ходе коллективизации, массовый голод в 1933–1934 гг.); 3) 1939–1947 гг. (Вторая мировая война, голод 1946 г.). В энциклопедии также указывается, что общие демографические потери — «величина расчетная и условная, зависящая от принятых гипотез». И за исходную точку расчетов берется условие, что в условиях активно протекавшего в России демографического перехода приросты населения меньше 1 % в год могут рассматриваться как предкризисные. Затем сделано предположение, что при возможном сохранении темпов прироста численности населения на уровне 1 % в год, «разница между гипотетической и фактической численностью населения была бы близка к минимальной оценке демографических потерь». Рассчитанные подобным образом потери в результате кризиса

1916–1921 гг. составляют около 12 млн чел. (13 % предкризисной численности населения), кризиса 1928–1934 гг. — 5 млн чел. (5 %), кризиса 1939–1946 гг. — 21 млн чел. (19 %). Максимальную оценку величины потерь позволил произвести расчет, допускающий сохранение постоянных темпов роста численности на уровнях, наблюдавшихся непосредственно перед кризисами — 18,6, 6,5 и 24,5 млн чел. соответственно. В результате прямых (гибель, эмиграция населения), косвенных (падение рождаемости) и отдаленных (нарушения в возрастно-половом составе населения) последствий указанных демографических кризисов «Россия недосчиталась более 100 млн жизней» [17, с. 159].

Обобщая существующие в историографии оценки прямых потерь населения В.В. Эрлихман в справочнике «Потери народонаселения в XX веке» (2004) пишет, что общие потери населения России (без Польши и Финляндии) за 1901–1917 гг. составили 3,5 млн чел., также за этот период эмигрировало 2,5 млн чел. Потери населения СССР за 1917–1953 гг. составили около 60,5 млн чел., включая безвозвратную эмиграцию около 3 млн чел., а также 3,5 млн. этнических немцев, поляков и чехов, покинувших СССР в 1941–1946 гг. С 1991 по 2000 гг. в ходе ряда политических и этнических конфликтов погибло около 200 тыс. чел., более 3 млн чел. стали беженцами. По подсчетам В.В. Эрлихмана, общие потери населения России и СССР за 1901–2000 гг. составили 64,3 млн погибших и 7,2 млн эмигрировавших. Из этого числа 19,6 млн чел. погибло в ходе военных действий, 20,6 млн чел. в результате террора, 26 млн умерло от эпидемий и голода, 0,3 млн погибло от стихийных бедствий. По мнению автора справочника, жертвами «коммунистического режима» стали 19 млн погибших в результате «террора, организованного голода и военных операций, направленных на захват соседних стран и борьбу с партизанским движением» [20, с. 14–15].

Р. Аллен (2003), рассматривая демографическую эволюцию СССР и отвечая на вопрос, почему в СССР в ходе демографического перехода не произошел демографический взрыв, пишет, что главной причиной такой ситуации стал резкий спад рождаемости в «сталинский период», а не «избыточная смертность» вследствие коллективизации, принудительного труда, репрессий, голода и Второй мировой войны. При определении потерь населения вследствие демографических катастроф Р. Аллен опирается на данные, расчеты и оценки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской, Р. Дэвиса, М. Харрисона и С. Уиткрофта и других ученых. Сверхсмертность в результате Первой мировой войны (период 1914–1917 гг.) определяется в исследовании английского историка в 3,8 млн чел. В это число входят 2 млн солдат, убитых в ходе военных действий, а также раненные, умершие в тылу. Избыточная смертность в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) составила 9,7 млн человек, то есть была больше, чем в голодный 1933 г. — 4–9 млн чел. (Р. Дэвис, М. Харрисон, С. Уиткрофт, 1994 — 7,3 млн чел.). По потерям в 1941–1945 гг. историк приводит оценку М. Харрисона

1996 г. — 25–30 млн чел., и совместную оценку Р. Дэвиса, М. Харрисона и С. Уиткрофта 1994 г.: за 4,5 года войны общая смертность составила 41,8 млн чел. [1, с. 157–161].

Авторы коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000» (2006), подготовленной под руководством А.Г. Вишневого, отмечают, что «попытки дать количественную оценку прямых людских потерь бывшего СССР в результате кризисов и катастроф первой половины минувшего века путем суммирования частных оценок, полученных для разных периодов, предпринимались не раз». По данным С. Максудова, жертвами социальных потрясений стали не менее 40 млн чел. Демографы указывают на более значительные потери. В границах Российской империи — СССР потери населения, связанные с Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной, голодом и эпидемиями находятся в промежутке между 14 и 21–23 млн «преждевременно умерших», потери от голода 1932–1933 гг. составляют от 4 до 8 млн умерших, потери от политических репрессий — 4–6 млн, потери, обусловленные Второй мировой войной, — 27 млн чел. плюс 1 млн жертв голода 1946–1947 гг. В итоге общее число преждевременных смертей за первую половину XX в. достигает 50–65 млн чел. При этом половину этих потерь (25–35 млн чел.) можно условно считать потерями российского населения (в нынешних границах РФ). Более полное представление о потерях, по мнению авторов монографии, можно получить путем сопоставления фактической и гипотетической динамики населения, анализируя темпы изменения численности населения. В результате «нормальной» «модернизационной эволюции российского общества» абсолютная численность населения России к началу 1954 г. на 76,4 млн чел. превосходила бы фактические показатели. Это и есть «демографическая цена социальных потрясений и катастроф» первой половины прошлого столетия. Кризис смертности в последней трети XX в. обусловил демографические потери (1966–2000 гг.), оцененные демографами в 14,2 млн чел. При расчете общих демографических потерь за прошедшее столетие демографы сопоставили фактическую динамику численности населения России после 1954 г. с гипотетической динамикой, в которой колебания, вызванные катастрофами первой половины века, были элиминированы, также была учтена вероятность более низкой смертности в 1966–2000 гг. Они пишут, что если бы России в первой половине XX в. удалось избежать демографических катастроф, то к концу столетия ее население могло бы быть почти на 113 млн чел. больше фактической численности, а если бы также удалось добиться снижения смертности, характерного для западных стран, то это превышение составило бы почти 137 млн чел. Демографы указывают, что четыре демографические потрясения XX в. (включая кризис последнего десятилетия) стали результатом «одновременного резкого повышения числа смертей и снижения числа рождений», что приводило к отрицательному естественному приросту населения, в некоторых случаях усугублявшемуся

эмиграцией за пределы страны. Но в отличие от катастроф первой половины века, которые характеризуются, прежде всего, резкими подъемами смертности, четвертый по счету провал, относящийся к концу столетия (естественная убыль населения России с 1992 г.), обусловлен режимом воспроизводства населения с низкими уровнями рождаемости и смертности, который сложился в стране уже к 1960-м гг. [6, с. 442–447, 492–495].

Полемика вокруг вопроса факторов социально-демографических потрясений, их значения, иерархии стала одним из дискуссионных аспектов изучения истории потерь населения России, СССР в XX в. Например, в постсоветской историографии можно выявить различные точки зрения по вопросу о значении субъективных и объективных факторов, обусловивших социальные бедствия в начале 1920-х и начале 1930-х гг. [13]. Историки рассматривают роль погодных условий и политических решений в наступлении голода в эти периоды. В отношении исследований кризисных явлений в демографической сфере России в последнем десятилетии прошлого века, приобретших масштабы катастрофы, можно выявить дискуссию о значении для их наступления суженного режима воспроизводства населения (то есть демографического фактора) и роли распада СССР и последовавшего за ним изменения социально-исторической обстановки.

Демографические последствия социальных пертурбаций в России за 100 лет оценил российский статистик В.М. Симчера (2006), акцентирующий внимание на «материальных причинах» кризисных состояний. По его мнению, в результате Первой мировой войны страна потеряла около 8 млн чел., из них 4–5 млн приходится на долю территорий, входящих сегодня в состав РФ. Гражданская война унесла жизни от 8 до 10 млн чел. или 14–16 млн., если прибавить число эмигрантов, ею спровоцированных, причем на долю России приходится 8–10 млн чел. Жертвами коллективизации, голода, репрессий 1930–1940-х гг. стали до 10 млн чел. (территория России). По потерям населения страны в период Великой Отечественной войны он приводит данные: по Советскому Союзу — 27 млн чел. (доля России — 14 млн). В результате, по мнению статистика, «...прямые потери России от социально-исторических катаклизмов XX века превысили 42–65 млн человек...». К косвенным потерям населения России статистика относит потери вследствие резкого снижения рождаемости, которые за период с 1932 г. по 1999 г. он исчисляет в 10–15 млн чел. В.М. Симчера также обращает внимание на негативные тенденции в демографической сфере России в конце XX в. С середины 1992 г. численность населения России впервые в послевоенной истории начала сокращаться, естественная убыль населения страны за период с 1992 г. по 1999 г. составила 5778,2 тыс. чел. В.М. Симчера пишет, что численность населения России «в условиях нормального развития страны» составляла бы в 2000-е гг. от 250 до 400–450 млн чел. Он считает, что если бы население России в XX в. увеличивалось по «мировым законам», а за столетие общая численность населения мира возросла в 4 раза, то численность населения страны в начале XXI в. составляла бы 270 млн

чел. Разница между возможными 270 млн и фактическими 145,6 млн чел. в конце 1999 г., которая составляет 124,4 млн чел., — это, по мнению статистика, величина потерянного за 100 лет человеческого ресурса России. [19, с. 114–116].

Следует отметить, что появились исследования, содержащие новые подходы к анализу демографических катастроф в России в XX в. Л. Н. Мазур пишет о демографической катастрофе в 1950–1970-е гг., которая первоначально охватила сельскую местность, но отразилась в динамике и структуре сельского населения и общества в целом. Ее основу составляли процессы, связанные с сельской миграцией: отток молодежи и трудоспособного населения обусловил смещение в половозрастной структуре, резкое повышение среднего возраста, старение населения. Специфика этой демографической катастрофы заключалась в ее эндогенном характере, а ее причиной стала политика по «оптимизации» сельской местности, которая способствовала обезлюдению деревни и «углублению кризиса сельской местности». «Миграционная деформация», по мнению историка, привела к суженному воспроизводству населения. В ряде случаев результатом катастрофы стало появление «демографических пустошей», исчезновение населенных мест. Л. Н. Мазур считает, что «для сельской России сельская миграция 1950–1970-х гг. стала не менее катастрофическим явлением, чем Великая Отечественная война или коллективизация» и предлагает рассматривать демографическую катастрофу как фактор эволюции сельских поселений в России в XX в. [15, с. 169–170].

В историографии происходит постоянное приращение новых знаний по теме потерь населения, на современном этапе значительную роль играют исследования регионального аспекта данной проблемы, реализуемые в рамках изучения вопросов региональной демографической истории. При этом демографические последствия социально-исторических катаклизмов историки сегодня рассматривают в контексте их влияния на показатели численности населения, демографических процессов и демографических структур, предлагаются корректировки статистических данных. В подавляющей части исследований потерь населения страны в советский период за основу анализа берутся оценки и корректировки Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковой, все чаще принимается во внимание концепт авторов подготовленной под руководством А. Г. Вишневого монографии о демографической модернизации России. В современной историографии при сохранении научного интереса к обобщающим макроподходам к изучению проблем истории населения намечается еще одна тенденция — активизация попыток обращения к первичной учетной документации (микроуровень), изучение которой, возможно, в будущем и даст новый результат. В целом же текущий историографический тренд направлен в сторону уточнения существующих данных о потерях населения страны и ее регионов в XX в.

Список источников

1. Аллен Р. С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — 390 с.
2. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история России. 1927–1959. — М.: «Информатика», 1998. — 187 с.
3. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. — М.: Наука, 1993. — 142 с.
4. Баранов Е. Ю. Демографические последствия голода начала 1930-х годов в СССР. Историкографический аспект // Институты развития демографической системы общества. Сб. мат-лов V Уральского демографического форума с междунар. участием. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. — С. 253–260.
5. Баранов Е. Ю. Современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг. Тренд дискурса и актуальные проблемы // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 3 — (44). — С. 70–79.
6. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. — М.: Новое издательство, 2006. — 608 с.
7. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 280 с.
8. Жиромская В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко-демографический аспект. 1946–1960. — М.: РГГУ, 2009. — 311 с.
9. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. — М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. — 320 с.
10. Ивлев И. И. Генеральская ложь // Военно-исторический архив. — 2012. — № 9. — С. 41–58.
11. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. — 244 с.
12. Исупов В. А., Корнилов Г. Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 4 (57). — С. 46–53.
13. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии. Взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. — М., 2011. — С. 8–56.
14. Корнилов Г. Е. Демографический потенциал России в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Демографический потенциал стран ЕАЭС. Сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. д-р социол. наук А. И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — Т. I. — С. 21–27.
15. Мазур Л. Н. Демографические катастрофы как фактор эволюции сельских поселений в России в XX веке. Теоретические подходы // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. XXXV сессия Симп. по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений; Уфа, 20–23 сентября 2016 г. — М.: ИСЛ РАН, 2016. — С. 168–170.
16. Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. — М.: Большая российская энциклопедия, 1994. — 640 с.
17. Новая российская энциклопедия: в 12 т. — М.: Изд-во «Энциклопедия», 2003. — Т. 1. — 959 с.
18. Полян П. М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф // Город и деревня в Европейской России. Сто лет перемен: монографический сборник. — М.: ОГИ, 2001. — С. 33–62.
19. Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. — М.: Наука, 2006. — 587 с.

20. Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. — М.: Издательский дом «Русская панорама», 2004. — 176 с.

Информация об авторе

Баранов Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

Baranov E. Yu.

Russia's Population Losses in the XX Century: Assessments and Discussions in the Modern Historiography

On the basis of the analysis of modern historiography, the debatable question of estimating the losses of the population of Russia and the USSR in the twentieth century is considered. Historians and demographers study the demographic consequences of socio-historical cataclysms, analyzing indicators of the population, demographic processes and demographic structures. Discussions are caused by problems with the completeness and reliability of the data available to researchers, the duration of the time interval chosen for analysis and the calculation methodology. Today, discussions continue on the reliability of data on the population of statistical agencies, law enforcement agencies and military command and control agencies in the USSR, there is a controversy surrounding the issue of factors of socio-demographic shocks, their hierarchy. A number of researchers proposed options for adjusting statistical data in connection with the underreporting of demographic events or by falsifying information about the population. In the overwhelming part of the studies of the losses of the population of the country during the Soviet period, the analysis is based on estimates and corrections by E.M. Andreev, L.E. Darsky, T.L. Kharkova. The concept of the authors of the monograph «Demographic Modernization of Russia, 1900–2000» is increasingly being taken into account. In modern historiography, the scientific interest in macro approaches to the study of the problems of the history of the population remains, and attempts are also being made to study of primary accounting records, to micro-level issues. A significant role is played by studies of the regional aspect of the problem of population losses. The study showed that the current historiographic trend is aimed at clarifying the existing data on the losses of the population of the country and its regions in the XX century.

Keywords: historical demography, demographic history, population losses, historiography, demographic crisis, demographic catastrophe, demographic modernization

References

1. Allen R. C. Farm to factory: Farm to factory: a reinterpretation of the Soviet industrial revolution. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013. 390 p. (in Russ.).
2. Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkova T. L. Demographic history of Russia: 1927–1959. Moscow: Informatika Publ., 1998. 187 p. (in Russ.).
3. Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkova T. L. The population of the Soviet Union: 1922–1991. Moscow: Nauka Publ., 1993. 142 p. (in Russ.).
4. Baranov E. Yu. Demographic consequences of famine of the early 1930s in the USSR (historiographical aspect) // The institutions of the demographic system development of society. Proceedings of the Fifth Urals demographic forum with the international participation. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. P. 253–260. (in Russ.).
5. Baranov E. Yu. Modern historiography of the demographic history of the USSR in the 1930s: trend of discourse and topical problems // Ural Historical Journal. 2014. № 3 (44). P. 70–79 (in Russ.).
6. Demographic modernization of Russia, 1900–2000 / ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 608 p. (In Russ.).

7. Zhiromskaya V. B. The demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 280 p. (in Russ.).
8. Zhiromskaya V. B. The life potential of post-war generations in Russia: the historical-demographic aspect: 1946–1960. Moscow: RGGU Publ., 2009. 311 p. (in Russ.).
9. Zhiromskaya V. B. Major trends of Russia's demographic development in the XX century. Moscow: Kuchkovo pole, Soyuz semey voennosluzhashchikh Rossii Publ., 2012. 320 p. (in Russ.).
10. Ivlev I. I. The lie of the general // Military Historical Archive. 2012. № 9. P. 41–58. (in Russ.).
11. Isupov V. A. Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: historical demographic essays. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2000. 244 p. (in Russ.).
12. Isupov V. A., Kornilov G. E. Population of Russia during the World War II (1939–1945) // Ural Historical Journal. 2017. No. 4 (57). P. 46–53 (in Russ.).
13. Kondrashin V. V. Famine of 1932–1933 in modern Russian and foreign historiography: a view from Russia // Modern Russian-Ukrainian historiography of the 1932–1933 famine in the USSR. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. P. 8–56 (in Russ.).
14. Kornilov G. E. Demographic potential of Russia during the World War II (1939–1945) // Demographic potential of the EAEC countries / ed. by A.I. Kuzmin. Ekaterinburg: Institute of Economics, UrB RAS Publ., 2017. Volume I. P. 21–27 (in Russ.).
15. Mazur L. N. Demographic catastrophes as a factor in the evolution of rural settlements in Russia in the XX century: theoretical approaches // Agrarian exploration and demographic processes in Russia X–XXI centuries: XXXV session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe: abstracts and reports. Moscow: ISL RAS Publ., 2016. P. 168–170 (in Russ.).
16. Population: Encyclopedic Dictionary / Ch. Ed. G.G. Melikyan. Moscow: The Great Russian Encyclopedia Publ., 1994. 640 p. (in Russ.).
17. New Russian Encyclopedia. Moscow: Encyclopedia Publ., 2003. Vol. 1. 959 p. (in Russ.).
18. Polyan P. M. The twentieth century: through demographic disasters // Town and village in European Russia: one hundred years of change. Moscow: OGI Publ., 2001. P. 33–62 (in Russ.).
19. Simchera V. M. The economic development of Russia for 100 years: 1900–2000. Historical series, secular trends, institutional cycles. Moscow: Nauka Publ., 2006. 587 p. (in Russ.).
20. Erlikhman V. V. Population losses in the XX century. Directory. Moscow: Russkaya Panorama Publishing House, 2004. 176 p. (in Russ.).

Author

Baranov Evgenij Yurievich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: eubaranov@yandex.ru).